

Замир К. Тарланов (Петрозаводск)

Стиль – структура – функциональный диапазон языка

33

Ключные речи:
стиль, структура языка, тип культуры, этнический, международный, упрощение, стандартизация, глобализация.

У раду се разматра однос стила према структури и функционалним параметрима језика, као и према етничкој култури. Стилистички описи се упоређују са прагматичним, дискурсивним и наративним описима с аспекта њиховог садржинског оптерећења. Прати се повезаност стилистике језика и његове географске распрострањености.

В современном языкознании последних десятилетий интерес к проблемам стилистики стал заметно угасать.

Это утверждение вполне согласуется с историей американской и отчасти западноевропейской лингвистических традиций, в которых и раньше за некоторыми исключениями вопросам, проблемам стилистики отводили весьма скромное место в череде исследовательских устремлений (см., напр., Чердаков 2001: 8).

По-другому обстояло дело, например, в России, СССР, в Чехословакии, в Польше и в некоторых других странах.

Эти различия, однако, нельзя сводить к констатации лишь того, что в одних национально-научных школах в силу тех

или иных причин занимались теорией литературного языка, которая не отделима от стилистики, а в других – нет.

Это не результат исторической стихии. Здесь необходимо иметь в виду, по крайней мере, три важнейших обстоятельства.

Во-первых, устойчивые исследовательские ориентации на разработку теории и истории литературных языков, стилистики в соответствующих лингвистических традициях безусловно определялись практическими потребностями историко-культурного плана, историческим своеобразием развития разных народов и их языков. Это, в свою очередь, не могло не служить свидетельством

Стиль 2002

степени самобытности, самостоятельности, оригинальности самих научных традиций.

Во-вторых, по этой же причине как сами проблемы литературного языка, стилистики, так и соответствующая лингвистическая традиция оказывались включенными в общекультурный процесс. Говоря другими словами, теория литературного языка, стилистика, теория речевой культуры не были ограниченной сферой корпоративных увлечений только тех, кто ими занимался. Это было важным общественно признаваемым делом. Чтобы удостовериться в верности такого заключения, достаточно сослаться на имена создателей, например, русской традиции в рассматриваемой области, имена, которые пользовались безусловным почитанием и авторитетом в обществе, – это М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Ф. И. Буслаев, А. М. Горький, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и многие другие. Имена – говорящие в истории русской научной и культурно-языковой традиции.

В-третьих, обращенность лингвистической традиции в сторону проблем литературного языка, стилистики делала ее гуманитарно и гуманистически насыщенной, тяготеющей к универсализму, комплексности, отзывчивости к нуждам практического школьного и университетского образования, склонной к эстетическим оценкам.

Период угасания исследовательского интереса к стилистике там, где этот интерес был устойчив, совпадает с периодом иррадиации, более того – односторонней универсализации действующих западноевропейских подходов к определению предмета и задач лингвистики.

Одним из следствий этого процесса является приглушение, нейтрализация естественно складывавшихся в ее составе национально-культурных и зонально-культурных составляющих, к числу которых относятся, как показывает опыт языкознания XIX–XX вв., и стилистические квалификации языкового материала. Так, на смену стилистическому аспекту анализа пришли и все более утверждаются так называемые прагматический, дискурсивный и пр. под. подходы к речевым произведениям, по их существу индифферентные по отношению к стилистике как таковой.

Это обстоятельство придает несомненную актуальность старой общей проблеме – что такое стиль и как он соотносится со строем языка, с его функциональным пространством, с этнокультурной традицией.

В этом же контексте представляется не лишенным интереса обсуждение также того парадоксального тезиса Ш. Балли, согласно которому количество форм, грамматических категорий и стилистическая дифференцированность языка являются препятствием на пути его освоения иностранцами и распространения за пределами этнических границ (Балли 1955: 393).

Возвращаясь к непосредственному предмету статьи, замечу, что научная литература о стилях языка обширна, разнообразна, этнокультурно и/или зонально-культурно детерминирована и потому во многом противоречива.

Однако при всей противоречивости суждений о статусе и коренных составляющих стилистики (о понятии стиля, типологии стилей, об их структуре, принципах выделения и т. д.) само существование стиля как особого объекта фило-

логического знания, хотя и по-разному понимаемого, признается всеми.

Бесспорно также, что существуют стили языка и стили речи (см., напр.: Виноградов 1963: 5–8; Ефимов 1969: 11–13).

К таким же общим устоявшимся представлениям должно быть отнесено и то, согласно которому стиль исторически изменчив, отзывчив на внеязыковые воздействия, обусловлен не только строем языка, но и структурой актуального типа культуры и общественно-эстетическими вкусами.

Чтобы удостовериться в адекватности этих и аналогичных заключений историко-культурным реалиям, достаточно обратиться хотя бы к череде последовательно сменявших друг друга художественно-эстетических парадигм – средневековья, классицизма, романтизма, реализма, разных форм модернизма – в их этно-литературных проявлениях (анализ такого плана на русском материале см. Чичерин 1977: 10–431).

Стиль, манера использования языковых средств, их состав, степень языковой свободы в выражении типизированных жизненных ситуаций непременно несут на себе отпечаток времени, общественно-языковых, общественно-предпочтительных эстетических и поведенческих ориентаций.

Вместе с тем, бесспорно и то, что стиль – это потенциальное, природно заданное свойство языка.

Говорящее лицо при использовании языка сознательно или интуитивно всегда соизмеряет свою коммуникативную задачу с адресатом, явно либо подспудно пытаясь поймать его волну, угодить, по возможности, его привычкам речевого поведения. И это не зависит от качества, степени изоэтичности языка как инструмента общения.

Поэтому стилистическая, речеповеденческая вариативность, подчиняясь целевым установкам, стратегиям участников речевых актов, характеризует не только литературный язык, но и диалект (появление первого эвфемизма – это уже шаг в направлении к стилю) с той только разницей, что в развитом литературном языке стилистические потенции языка реализуются максимально полно и функционально последовательно (Тарланов 1984: 15). Более того, литературный язык только тогда и оказывается подлинно литературным, образцовым, «культурным», когда обретает гибкость и пластичность, обеспечивающие широкую маневренность речевого поведения тех, кто им пользуется.

Хотя иногда и склонны думать, что наличие письменной опоры уже обеспечивает языку статус литературного, в действительности трудно представить себе полноценный литературный язык без стилистической дифференциации, без стилистической стратификации, стилистического расслоения. От языка письменного до языка литературного с его стилистическим разнообразием и многообразием – огромная дистанция. С точки зрения стилистики бесписьменный язык фольклора с его жанрово-поэтической расчлененностью гораздо ближе к литературному, чем просто письменный язык, лишенный функционально закрепленной вариативности в использовании средств выражения.

Стилистическое богатство литературного языка, степень, глубина, многообразие его функционально закрепленного расслоения обуславливаются в конечном счете, как правило, факторами двойного порядка:

1) внеязыковыми культурно-историческими факторами, намечающимися

направления стилистической дифференциации в зависимости от потребностей общественного разделения труда, запросов профессиональных сфер, эстетических, речеповеденческих ориентаций общества, авторитетных традиций, степени развития художественной литературы и ее включенности в культурную жизнь, мерой разветвленности и влияния интеллигенции и т. д.;

2) собственными системно заданными потенциями языка, которые, реализуясь в соответствии с живыми, действующими в нем закономерностями, обеспечивают, так сказать, базу данных для выборочного, целенаправленного их использования. Чем богаче эта база языковых, структурных данных, предоставляемые ею возможности, тем разнообразнее речевое поведение индивида.

Стиль языка как исторически складывающийся его функциональный тип базируется на варьирующихся структурных элементах языковой системы, которые не отделимы от этой системы в силу постоянно действующих в ней тенденций к устойчивости и обновлению. При этом варьироваться могут не только слова с одним и тем же семантическим стержнем (так называемые лексико-семантические варианты), не только морфемы, грамматические формы, но и целые грамматические категории, обслуживающие сферу модальных отношений.

Состав варьирующихся элементов, их функциональная соотнесенность, распределение между разными уровнями языка различны для разных языковых систем. Так, в русском языке в реализации модальных отношений наряду с единицами морфемного, морфологического, лексико-семантического уровней органично участвуют единицы синтаксического уровня (модально-семантически

специализированные типы простых предложений), чего нет, например, в западноевропейских языках (Тарланов 1999: 4–16, 80–113). Или в том же русском, как и в других индоевропейских языках, модальное значение предостережения актуализируется в рамках императива с привлечением аналитических средств, в то время как в ряде кавказских языков ему соответствует отдельное наклонение (предостерегательное наклонение), образующее ядро для выражения этого значения.

Ш. Балли, по преобладающему в них типу синтаксических конструкций сопоставляя французский язык, определяемый им как субстантивноцентричный, с немецким, в котором главная роль принадлежит глаголу, и аттестуя их соответственно как *ясный*, «любящий ясность», и *точный*, «любящий точность» (Балли 1955: 386–391), не оговаривает, однако, возможного третьего случая, когда оба указанных типа могут совмещаться в одном языке.

Именно к языкам этого третьего типа относится русский язык нового времени. В нем наряду с глагольными предложениями, изначально обычными для индоевропейских языков, широкое распространение получили и субстантивноцентричные (именные) конструкции (Тарланов 1999: 114–160). Если с учетом этого обстоятельства следовать логике Ш. Балли, можно заключить, что русский язык совмещает в себе как ясность французского, так и точность немецкого языков.

Однако реальное распределение функций аналогичных синтаксических построений в русском языке, русская речевая практика не дают повода во всем солидаризоваться с Ш. Балли в его однозначно прямолинейных оцен-

ках достоинств языков с преобладанием того или другого из обозначенных им типов конструкций.

В языке, в котором представлены оба эти типа конструкций, один из них приобретает статус маркированного и поступает в распоряжение стилистики. Так, именно субстантивоцентричные или на субстантив опирающиеся конструкции служат главным средством воссоздания бюрократизированно безликой и пустой манеры речетворчества, лишённого признаков хронологической и пространственной локализации, в прозе А. Платонова, в частности, в его повести «Котлован» (Тарланов 1993: 216). Этот же прием широко использовался и в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина, в «Афоризмах» Козьмы Пруtkова.

В этом случае речь идет прежде всего о тех субстантивно ориентированных структурах, в которых субстантивы производны от глаголов и употребляются там, где должны стоять собственно глагольные формы (их и имеет в виду Ш. Балли).

Но в русском языке диапазон субстантивоцентричных конструкций достаточно широк и каждая их разновидность не только структурно, но и стилистически, по полю функционирования, самобытна. Какая-то из них, в отличие от тех, о которых говорилось применительно к прозе А. Платонова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и афоризмам Козьмы Пруtkова, актуализирует зрительный план восприятия действительности, другая – план рефлексии, третья – план количественных характеристик (ср.: *Народу! Шуму!*) (См. анализ подобных конструкций Тарланов 1994: 146–149).

Таким образом, то, что во французском языке составляет *структурную* принадлежность, вычленяемую в межъ-

языковой оппозиции (в противоположении немецкому), в русском – оказывается *средством стилистики*, вариантным средством в силу существования материализованных *внутриязыковых противопоставлений*. Эти внутриязыковые противопоставления, объединенные вокруг некоего инварианта, открывая разные модусы, манеры его реализации, образуют строем языка предопределенную базу стилистических средств.

Однако, как, в какой мере эти средства будут упорядочены, выстроены стилистически, зависит уже не от языка, а от глубины и степени влиятельности соответствующей культурной традиции. К примеру, чтобы в русском языке утвердилось номинативное предложение и получило ту стилистическую тональность, которая его неизменно сопровождает, понадобилось плодотворное участие в его разработке русской классической прозы и поэзии. И в целом степень развития и филиации этнической культуры в ее совокупности предопределяет качество и расслоение стилистической системы языка этой культуры.

Говоря о стилях языка, мы имеем в виду, как уже отмечалось, прежде всего литературный язык. Но источники стилистических ресурсов литературного языка не ограничиваются его собственными границами.

Как правило, живой литературный язык всегда имеет диалектное сопровождение. На базе отдельного диалекта либо ряда диалектов складываются и живут своей относительно самостоятельной жизнью разные типы койнэ, просторечия, которые также являются питательной средой, поставщиками стилистических средств для литературного языка.

Спорадически аналогичную роль выполняет и фольклор.

Это особенно отчетливо проявляется на начальных стадиях становления стилистических подсистем, а также в периоды их обновления, связанного с переоценкой ценностей. Так обстояло дело в истории русской культуры, например, в периоды создания русского национального литературного языка на рубеже XVIII–XIX вв., после революции 1917 г., в 60–70-е годы XX в. – в связи с возрастанием интереса к деревенской жизни (ср. понятие «деревенской литературы»), а затем в 90-е годы – в связи с так называемой «перестройкой».

Поставщиками стилистических ресурсов для того или иного литературного языка нередко выступают и другие языки, игравшие или играющие важную роль в сплочении соответствующих зональных либо этно-зональных типов культур. Таким языком для русского, как и для многих других славянских языков, был, как известно, старославянский (церковнославянский), из которого он черпал значительное количество стилистических средств, включая и синтаксические конструкции того же назначения. Да и целый стиль средневековой словесной культуры – книжный – в нем сформировался под непосредственным воздействием церковнославянского (Шахматов 1941: 60–90; Лихачев 1979: 81–101). Сходную роль в истории многих языков Ближнего и Среднего Востока, Кавказа играли арабский и персидский языки с той лишь разницей, что церковнославянский в период его распространения в Древней Руси в силу его генетической и структурной близости древнерусскому не воспринимался как чужой язык (Срезневский 1959: 33).

Из сказанного очевидно и то, что доля участия иноязычных элементов в создании стилистической базы для того или иного языка неодинакова. Опыт функци-

онирования разных языков показывает также, что сами по себе заимствования не ведут автоматически к расширению базы стилистических средств языка заимствующего. Чтобы такие средства действительно служили целям стилистики, они должны быть в каких-то отношениях изофункциональны либо близкофункциональны.

Все это многообразие разнопотенциальных средств, среди которых ведущее место безусловно принадлежит внутриязыковому, будучи вписываемыми и вписанными в общественно признаваемые, авторитетные этнокультурные традиции, порождает систему стилей языка.

Эта система в национальный период ближайшим образом опирается в первую очередь на словесно-художественную культуру, которая на собственном материале воспитывает у общества чувство слова, эстетический вкус, избирательность по отношению к языковым средствам, речеповеденческие нормы.

Стилистическая культура и словесно-художественная культура взаимно питают и поддерживают друг друга. Поэтому стилистическая культура общества не может не базироваться на том, сколько читают и каковы читательские вкусы его членов. Чем меньше общество читает, тем ниже стилистика, культура его речи. При этом язык, используемый без учета стоящих за ним культурных традиций, все более и более удаляется от соответствующих этноценностных ориентаций, трансформируясь в простое технизированное средство общения.

Стили языка составляют относительно замкнутую, но гибкую структуру, так или иначе соотносимую с актуальной парадигмой этнической культуры.

Изменения в парадигме этнической культуры, как и в обществе в целом,

влекут за собой соответствующую перестройку и в системе стилей, вплоть до полного ее разбалансирования. Это в свою очередь ведет к неизбежному падению общей речевой культуры общества.

Стилистическое разбалансирование одного языка может быть ускорено также под воздействием другого языка, лишенного упорядочивающих функционально-стилистических предписаний. Такое в известной мере случилось с русским языком в постсоветский период. Разразившийся в нем стилистический хаос усугублялся, в частности, и слепым копированием средствами массовой информации неупорядоченных шаблонов американского варианта английского языка, которые, в отличие от русской языковой традиции, не были культурно коннотированы.

Стилистика как отрасль филологического знания и филологической культуры интенсивнее разрабатывалась на материале тех языков, которые располагали научно-теоретически обслуживаемыми их литературными разновидностями. К числу таких языков безусловно относится русский язык. Его функциональная история на протяжении последних трех столетий была неразрывно связана с историей становления, развития русской национальной культуры в целом.

На основе стилистико-эстетических ориентаций, изначально заложенных в русской лингвистической традиции, впоследствии органично выросли новые отрасли филологического знания и анализа: теория словесности, у истоков которой стоял А. А. Потебня (Потебня 1892), история русского литературного языка, не отделимая, по оценке А. А. Шахматова от «истории развития русского просвещения», а также теория литературных

языков (Виноградов 1959: 6; Виноградов 1938), теория языка художественной литературы (Виноградов 1959), теория культуры речи. Все это являло собой пример гуманистической и гуманитарной направленности русского языкознания.

Однако в последние десятилетия на смену термину «стилистика» пришли новые термины *прагматика* (анг. pragmatics от греч. *πραγματεία* «дело, занятие, работа, труд»; «отрасль, область, раздел»; «учение» (Древнегреч.-рус. слов. 1958: 1363), *дискурс* от лат. *discursus* «рассуждение», *нарратив* (от франц. *narratif* «повествовательный»), а стилистический анализ стал подменяться анализом прагматическим, дискурсивным или нарративным.

Нельзя не заметить при этом того, что приведенные новые термины, как и использующая их процедура описания, хотя и нацелены на объяснение текстов, в действительности переосмыляют, обедняют общепринятые предмет и смысл стилистического анализа и потому далеки от задач именно функционального-стилистического их толкования.

В этом случае речь идет не столько о переименовании вместо исследования – явлении, достаточно распространенном в языкознании (Стеблин-Каменский 1971: 31), сколько о связанных с ним неизбежных потерях содержательного плана.

Когда столь несопоставимые тексты, как, например, шедевры поэзии, выдающиеся памятники конфессиональной культуры, с одной стороны, и руководство по пчеловодству, расписание движения поездов – с другой, объединяются под общим невыразительным обозначением *дискурс*, то это не может не приводить к выхолащиванию самой сути из

того, что считается подлинными проявлениями человеческого духа, и не уравнивать их с записями бытового или иного типа языка, тем самым искажая предмет филологического изучения и дегуманизируя филологическую науку, первейшая задача которой – исследование ценностей культуры в их словесной реализации. Прав был М. И. Стеблин-Каменский, который писал, оценивая содержательную суть структуралистских терминологических новшеств: «Само собой разумеется, что ответ на вопрос, что следует называть тем или иным заранее заданным термином, не только не раскрывает, но и неизбежно влечет за собой упрощение фактов, их схематизацию» (Стеблин-Каменский 1971: 32).

Стиль языка – это социально-культурная традиция, и его исследование, описание предполагает обязательное привлечение социально-культурного же контекста. Вне этого контекста трудно объяснить, почему русские *моряки* на кораблях *приходят*, а не *приезжают* или почему Тредиаковский упрекал Сумарокова за употребление слов *глаза* и *взгляни* вместо *очи* и *воззри* (Винокур 1991: 26), или откуда слова *приударить* в значении «начать усиленно флиртовать, волочиться», *ухаживать* и «претенциозно-мещанское словообразование по типу «европеизмов» *ухажор* (Виноградов 1959: 175–176), или почему в современном русском языке широко стало употребляться словоформа *разборки* вместо слов *разбор*, *разбирательство*. «Быт и мировоззрение социальной группы, с которой ассоциируется то или иное выражение в литературном сознании эпохи, накладывают на него свой отпечаток. От этого отпечатка нередко и зависит экспрессивная окраска слова в

литературном языке или в языке художественной литературы» (Виноградов 1959: 176).

Поиски этих отпечатков и объяснение их текстообразующих функций – одна из задач стилистики.

Из сказанного ясно, что стилистические системы не только разных языков, но и одного и того же языка в его истории глубоко различны. Глубина и диапазон стилистического расслоения языка, в качестве внешнего фактора предопределяясь актуальной культурной парадигмой, а также историей культурных парадигм этноса, тем не менее опираются, как уже говорилось, на собственно языковые ресурсы. Объем этих ресурсов в конечном счете охватывает не только литературный язык, но и другие разновидности этнического языка, включая диалекты, разные типы просторечия, язык художественной литературы и т. д.

Если исходить из того, что литературный язык с его стилистикой – это высшая форма этноязыковой культуры, то все разновидности этнического языка можно представить в виде континуума. Начало этого континуума образуют говоры, объединенные в более крупные единицы – диалекты, а завершает его литературный язык. Этой шкале соответствует и шкала степени этничности каждой из указанных разновидностей. Следовательно, степень, мера этничности разделяет и соответствующие стили литературного языка, ср., например, разговорный стиль и стиль научного изложения (Тарланов 1994а: 91).

В этноязыковом измерении наиболее этничны диалекты, в то время как литературный язык – это форма, открытая для иноязычных и инокультурных воздействий. Сама природа литературного языка, благодаря которой он возвыша-

ется над социально-территориальными разновидностями языка этноса в целом, постепенно нивелирует в нем степень этничности.

Эта тенденция еще более усиливается, когда в силу определенных исторических обстоятельств литературная форма этнического языка обретает статус средства межэтнического и международного общения.

В межэтническом общении стилистика национального литературного языка, как правило, отступает на второй план, тем самым упрощаясь, абстрагируясь от ярко выраженных этнокультурных коннотаций.

В то же время этнический язык, распространяясь за пределы этнических границ и трансформируясь тем самым в язык межэтнический, международный, обрывает новыми этно-социально обусловленными разговорными вариантами, но без отчетливо выраженной функционально-стилистической дифференциации. Таковы, например, варианты русского литературного языка в бывших республиках СССР, а также в других странах. То же самое обнаруживается в функционировании английского языка в парадигме его вариантов в США, Индии и других странах. То же самое можно сказать об арабском языке. И т. д.

Таким образом, вполне напрашивается вывод о том, что степень стилистической дифференциации национальных языков и степень их распространенности среди других народов находятся между собой в обратно-пропорциональной зависимости. Межэтнические, международные языки тяготеют к формальным, упрощенно-стандартизированным средствам общения, неуклонно освобождаясь от этнокультурно обусловленной внутренней формы. Кажется, первым на

это обстоятельство обратил внимание Ш. Балли, который писал, имея в виду грамматическую простоту английского и испанского языков и объясняя эту простоту обширностью обслуживавшихся ими колониальных территорий: «Но одно кажется несомненным: чем больше людей говорят и пишут на данном языке, тем больше этот язык упрощается, освобождается от пут, которые стесняют повседневное и будничное общение; грамматика упорядочивается, словарь становится более отвлеченным, обиходные понятия обобщаются. Интересно отметить, что у обоих народов, которые имели больше всего колоний, т. е. у англичан и испанцев, языки обладают наименее простыми и наиболее правильными общими формами» (Балли 1955: 395).

В самом общем плане трудно не согласиться с Ш. Балли.

Однако сама эта проблема требует более основательного и разностороннего изучения на примере разных мировых языков и языков мировых культур.

В частности, представляется правдоподобной парадоксальность: именно колониальный статус языка, статус языка навязываемого вполне может способствовать упрощению его структуры.

На такое предположение наталкивает, в частности, опыт длительной истории функционирования русского языка в Российской империи и в СССР, который, как известно, не навязывался другим народам по типу колониального, а лишь выступал как добровольно принимаемое сосуществующими народами средство межэтнического общения. Именно поэтому на структуре русского языка мало в чем это сказалось. Ибо вместе с ним сосуществовали и языки других народов в рамках единого государства. Не было насильственного перевода

других этносов на язык межэтнического общения и, следовательно – массового подключения к нему иноэтнического элемента в качестве субстрата инноваций, способного повлиять на его структуру.

Другое дело – стилистика. Стилистический либерализм неизбежен в подобных случаях.

Межэтнический язык не может быть таковым, оставаясь в рамках жестких норм и предписаний этнической культуры. Это значит, что, расширяя пространство функционирования, трансформируясь в средство, инструмент межэтнического, международного общения, язык несет неизбежные, закономерные потери в этнокультурном масштабе.

Одной из таких потерь и является его стилистическое упрощение. Культурно-содержательному, функционально-стилистическому богатству этнического языка как средства и вместе с тем формы этнической культуры соответствует широкая география использования языка международного, в значительной мере отвлеченного от культурной локализации.

По этой причине международные языки в меру масштабов их международно признаваемого влияния всегда являли собой своеобразные инструменты распространения соответствующих типов представлений, их глобализации.

Возможности сознательного упрощения структурного и стилистического состава языка ради того, чтобы облегчить его освоение носителями других языков, если такую задачу и ставить, не беспредельны. Живые языки диктуют

свои законы. Наиболее простые, логично построенные языки – это языки искусственные. Тем не менее ни один из них не стал мировым. Отсюда следует, что простота, упрощенность структуры не главное достоинство мировых языков. Вообще же суждения о трудных и легких языках – это обывательские предрассудки. Трудный язык тот, которым не владеешь либо владеешь недостаточно, плохо.

Язык, ставший или признаваемый мировым, при всей его функционально-стилистической упрощенности не теряет ориентации на опорную этнокультуру. Такой опорой в аспекте стилистики, положим, для английского языка является его собственно английский вариант, как для французского – собственно французский, и т. д.

Рубеж XX–XXI столетий может быть охарактеризован, однако, как период наибольшего обострения соперничества уже между самими языками глобализации. По логике вещей таким языком в конечном счете может быть один-единственный. Сейчас ясно также, какой именно претендует на эту роль.

Как бы ни складывалась судьба тех или иных международных языков, этнические языки с их культурно детерминированной самобытностью как были, так и останутся ключами к удивительной симфонии культур человечества, включая и неповторимые очертания их стилистики.

Имея в виду это обстоятельство, хочу пожелать журналу «Стиль» долгого и счастливого пути.

summary**Style, Structure, the Functional Span of Language**

The article treats style as to language structure and functional scale.

Stylistic analysis as a whole, however, is distinct from pragmatic, discursive and narrative one. The author also notes differences between West and East European linguistic tradition concerning the mere degree of the research interest ostensibility directed to problems of standard language and stylistics.

It is pointed out that the main advantage of the stylistic analysis is based on the fact that style itself is included in ethnoculture in general as an important component of the subject.

The author tracks the connection between language stylistics on the one hand and its structural resources, literary standard development, ethnolinguistic traditions on the other.

Extra and intralinguistic factors forming historically determined speech behaviour patterns are distinguished by means of the approach in question. The West European opinions on cognitive orientations of the so-called substantive and verb-centered sentences and their place in the field of stylistics are tested with reference to Russian syntax.

As a result the author reveals an internal connection between literary standard stylistical stratification as well as speech culture of a particular society and the degree of the artistic culture development of a particular ethnos. Ethnic and world languages are juxtaposed in the style divergence aspect.

Finally, the paper argues that the world languages which broaden the geographic space of their functioning at the same time simplify their style structure and abstract from ethnocultural connotations.

43**Литература**

- Балли 1955: **Балли, Шарль**. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Пер. с третьего французского издания Е. В. и Т. В. Вентцель. – Москва: Иностранная литература, 1955. – 416 s.
- Виноградов 1938: **Виноградов, Виктор Владимирович**. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – Москва: Учпедгиз, 1938. – 529 s.
- Виноградов 1959: **Виноградов, Виктор Владимирович**. О языке художественной литературы. – Москва: ГИХЛ, 1959. – 653 s.
- Виноградов 1963: **Виноградов, Виктор Владимирович**. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – Москва: АН СССР, 1963. – 255 s.
- Винокур 1991: **Винокур, Григорий Осипович**. О языке художественной литературы. – Москва: Высшая школа, 1991. – 448 s.
- Древнегреч.–рус. слов. 1958: Древнегреческо–русский словарь. Т. 11. Составил Дворецкий Иосиф. Х. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 1905 s.
- Ефимов 1969: **Ефимов, Александр Иванович**. Стилистика русского языка. – Москва: Просвещение, 1969. – 262 s.

2002

- Лихачев 1979: **Лихачев, Дмитрий Сергеевич**. Поэтика древнерусской литературы. – Москва: Наука, 1979. – 352 s.
- Потебня 1892: **Потебня Александр Афанасьевич**. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. – Харьков, 1892.
- Срезневский 1959: **Срезневский, Измаил Иванович**. Мысли об истории русского языка. – Москва: Учпедгиз, 1959. – 135 s.
- Стеблин–Каменский 1971: **Стеблин–Каменский, Михаил Иванович**. Название и познание в истории грамматики. – In: Вопросы языкознания. – Москва: Наука, 1971, № 5. – S. 31–36.
- Тарланов 1984: **Тарланов, Замир Курбанович**. Язык и культура. – Петрозаводск: Петрозаводский университет, 1984. – 104 s.
- Тарланов 1993: **Тарланов, Замир Курбанович**. Язык. Этнос. Время. – Петрозаводск: Петрозаводский университет, 1993. – 222 s.
- Тарланов 1994: **Тарланов, Замир Курбанович**. Типология синтаксических конструкций языка как реализация его стилистических потенций. – In: Stylistyka 111, 1994. – Opole, 1994. – S. 143–153.
- Тарланов 1994a: **Тарланов, Замир Курбанович**. Процесс общения и содержательность языковых форм. – In: Kształcenie porozumiewania sie. – Opole, 1994. S. 89–93.
- Тарланов 1999: **Тарланов, Замир Курбанович**. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. – Петрозаводск: Петрозаводский университет, 1999. – 207 s.
- Чердаков 2001: **Чердаков, Дмитрий Н.** Русский вариант теории литературного языка и его истоки. – In: Русский язык конца XVII – начала XIX века. Сборник статей 2. – Санкт–Петербург. 2001. – S. 7–37.
- Чичерин 1977: **Чичерин, Алексей Владимирович**. Очерки по истории русского литературного стиля. Москва: Художественная литература, 1977. – 445 s.
- Шахматов 1941: **Шахматов, Алексей Александрович**. Очерк современного русского литературного языка. – Москва: Учпедгиз, 1941 (1-е изд. – Ленинград, 1925). – 287 s.